Губы, много губ разложил бережно на траве.
В губах, как прорубях, ужу безъязыкую совесть и горящие цепи…
У меня вас тут много:
Одна,
Вторая…
Фотографий больше, чем цифр после запятой…
В утлом небе чётко вырисовывается чей-то силуэт, и чей это может быть силуэт, кроме как не Её самой? Мерцающее серебристое облако обступили однорукие зарницы и кудрявые молнии, безумные от бессилия попасть в Неё, вспыхивающие на зыбкой волнистой границе того, что именуется Ею. И Её контур был без адреса, он просто возник и не адресован был никому, будто и не знал, что я сижу у чахлых вялых лишённых власти углей и греюсь, и вижу. Дарована небом никому, не слишком чопорна, а рельсы, сошедшие с колеи, чтоб поцеловаться - рельсам хочется целоваться только по вечерам - срослись в упрямую косичку.
Ты возникла. Ты явилась. Чем я смогу тебе ответить на это?

***

Щупают море жемчужины.
Море навеки простужено.
Кашляют айсбергом полюсы.
На побережиях - молятся.

Тридцать моллюсков у берега.
Справа и слева - Америка…
Где мы с тобою скитаемся?
Мы никогда не раскаемся.

***

Цунами в шутку раскидало
Колючие решётки скал,
И радуга точила свой оскал о
Его девятый вал…

О солнцепёк, пирующий у родников…
И о соцветья брызг морских…
И ризы звёзд питают устья облаков,
Но лишь пытают их.

Дождинки в капсулах, дождинки-братья,
А воздух пахнет скоростным свинцом…
Тебе тепло в его объятьях?
Но, муза - что с твоим лицом?

Навязывают красочную Навь.
Реальность растворилась в миражах.
Но позолоченную ржавчину оставь
В замках, на нижних этажах…

И в телескоп ты переплавила косу…
Вон, посмотри, какая даль вдали! -
Но ты упрямо смотришь на грозу,
А остальные - лица отвели.

И радуга осталась на мели, а значит,
Что радугу увидела лишь ты.
Теперь я знаю, отчего ты плачешь:
Что там, на радуге - кресты.

Цунами, свирепея, раскидало
Колючие решётки скал,
И радуга точила свой оскал о
Его девятый вал…

Не так давно, наверно, дьявол танцевал.

В ДОБРОВОЛЬНОМ ПЛЕНУ

(её слова)

Мы - два конца одной и той же нити…
Мой враг! Ведь я могла бы сотни раз
Уже сказать тебе, врагу: "Простите", -
Что означало бы: "Не нужно - Вас"!

И в этот раз я не скажу ни звука,
И за прозрачной дверью притаюсь!
Сдаюсь тебе, мой враг, идя на муку!
Но разве я врагам своим сдаюсь?

Сдаюсь. Не прячу лиц. Их - тьма. Из них же
Какое - непритворное лицо?
Мой враг! Я жду, стыдясь души притихшей,
Когда же свяжут нашу нить в кольцо?

Сдаюсь тебе. Чужим врагам сдаюсь ли?
Лишь ради испытания огнём?
Так много радуг есть в воздушном русле!..
Твой плач торопит Бога с Судным Днём.

Увы, нельзя любить, не ненавидя,
Но можно ненавидеть, не любя…
А если ты - мой враг и покоритель,
То значит, ты не полюбил себя…

- Теперь науке известно, что доказательств существования любви, равно как и доказательств существования ненависти, не существует…

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛЮБВИ

(мои слова)

Лица в негасимой тьме зеркал не верят в то,
Что любовь бывает спелой, если ревность спит,
Что любовь бывает выгнанной из чрева городов,
Но - любовь жива всегда и нет ей панихид.

Если же хотим мы их, неверующих, удивить,
Показать им, серым, как врачебен блеск звезды -
Доказательством существования любви
Будем я и ты.

КОЖУРА МОРЯ

Она приходила ко мне осторожно,
Сквозь воздух из лёгких, но только ко мне.
Для всех остальных же была невозможной,
Невидимой тенью в их плазменном сне.

И кроме меня так никто и не видел
Её… - Тем верней приходила она,
И мы разгребали мифических мидий
На призрачном море с утра дотемна.

Ты пела, и в эти мгновенья мы оба
Невидимы были для всех остальных.
Мы плыли - как будто бы так и должно быть! -
По коже живых океанов ночных.

Костры на холмах, подражая тем травам,
Что взяты норд-остом в кладбищенский плен,
Искрящейся шерстью плясали коряво
Под ветреный однообразный рефрен,

Желая на время своей зимней спячки
Придумать себе сновидений мешок.
Костры отдавались роскошной горячке,
И каждый огонь сам себя же и сжёг.

Ворота молчали, как птицы в затменье,
Никто не хотел враждовать с тишиной,
Но ты приходила ко мне, тем не менее,
И где бы я ни был - дружила со мной.

Закончилось тем, что моря задрожали,
Луна расцвела оловянным цветком,
И мы незаметно друг в друга упали,
Как бездна на бездну летя кувырком,

И вдруг - мы прилипли друг к другу руками,
И склеились вместе - навеки, всерьёз -
Железною хваткой и сердцем с клыками,
Где всё намагничено замком из слёз.

И лопнуло небо, как шарик воздушный,
Пытаясь разнять, и строптивилась твердь,
И вдруг под водой становилось нам душно,
Но жизнь обманула стоглавую смерть.

Кудрявое солнце кружило жар-птицей,
И мы всё стояли под небом седым…
И что же нам делать теперь? Раздвоиться?
Ан нет! Так и будем стоять, как стоим!

*

- Наши души - сиамские близнецы…

*

Теперь обрели наши души жемчужный
Покой, и для нас - неподвижность Луны…
Нам вряд ли теперь уже что-нибудь нужно -
Ни твердь, ни небесная гладь не нужны…

В нас всё это есть, и - пусть будят нас кличи,
Пусть вечный огонь догорает в груди! -
Теперь нашим душам весь мир безразличен,
И время, и вечность у них позади.

- Прошло ещё два песочных часа…
- Теперь на моих песочных часах 176611 часов.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

И ради твоего объятья:
уже шесть тысяч лет, уста
сомкнув, провёл я на распятьи,
и был примером для Христа.

Я слышал голоса и топот…
И чтобы я не так скучал -
по каменным звериным тропам
ходили грозы по ночам…

Все эти годы - сарафаны
сменяла сотни раз Луна
и серебристую саванну
читала, словно письмена…

Луна ложилась мне на пряди,
потом со мной была заря…
А я всё ждал твоих объятий -
шесть тысяч лет! - и ждал не зря.

ВЫХОДА НЕТ

Всё безнадёжней и бесповоротней,
Неумолимей и неодолимей -
Мы вместе переходим жить в сегодня
И эти дни нам кажутся святыми.

Когда мы будем на одной ладони -
Начнутся наводнения на Марсе,
Потом - землетрясенья на Плутоне,
И во Вселенной все - найдут катарсис.

Но светлый выход - с чёрным окоёмом:
Исход из каждой будущей минуты -
Мы ищем здесь, в туманах незнакомых,
Среди дождей и невредимой смуты…

И мы обречены найти тот выход,
Но лишь когда - минута завершится,
И в мире на мгновенье станет тихо
От хриплых воплей одичавшей птицы…

От од, жестоко брошенных на волю,
От укоризн, живущим не понятных…
Так медленно вращается наш полюс,
Что мы, и ночь, и реки - это пятна…

Мы слиток памяти: сплошная память,
И все вокруг становятся камнями…
Нет выхода для нас в иное пламя:
Нам суждено топтать друг друга швами…

В руках судьбы моей танцуют бритвы,
Опасно быть на "Ты" с такой судьбою.
Всегда будь в поле зрения молитвы,
Чтоб каждый миг мой взгляд мог быть с тобою!

Тебя я должен видеть постоянно!
А как иначе? Мы же - воедино!
А потеряю лишь на миг в туманах,
Растаешь лишь на миг в ночных руинах,

Тотчас - залижет, словно раны, темень
Мои глаза, и веки станут гробом,
А мгла, её сестра, умерит время,
И гроб мой станет вечною утробой,

Я ощущу, что душу кто-то режет,
Пойму, что это всё - порывы ветра,
Проснётся паника, и крик опешит
От самого себя, будя земные недра…

И я тотчас взорвусь, умру, исчезну,
И в тот же миг истлею в привиденье!
Поэтому не прячься в зыбких безднах,
Не пропадай во тьме ни на мгновенье!

Не покидай меня в угрюмых стенах,
Не разрывай сплетенья рук и неги! -
А разорвёшь - мы в тот же миг, мгновенно -
Умрём навеки!

СВЯТАЯ ЯРОСТЬ

Кто-то на арфе играл неумело…
Нас задушили цветами.
В тёмной квартире всё чёрное - пело,
Белое - тлело под нами…

Кто-то столкнул нас глазами и выбыл
Из настороженных пряток…
Жало луны предоставило выбор:
Или нельзя, или надо…

Кто-то спилил на очаг мои корни,
Ветви - на небе оставил…
Тихо ругнулся задумчивый дворник,
Сдавленный в контрактаве…

Кто-то спешил, чтоб нашёл его кто-то,
И растворился в объятьях…
В жидком тумане носились полёты,
Пело восторженно платье…

Вытащил кто-то, как жребий свой - бремя…
Господи, мы ли в ответе?
Тот, кто бродил за углом в это время… -
Он ничего не заметил.

Там, в серебристости - вспыхнули свечи,
Свет их был праведно-меток…
Господи, Ты за углом в этот вечер
Был и - не знаешь об этом…

Мы были - теми, кто там вытащил жребий.
Преданность - неодолимей.
Если бы Ты оставался на небе,
Мы бы не стали слепыми…

*

- Если бы у меня была волшебная палочка и одно желание, я бы загадала, чтобы в мире не стало насекомых…
- А я бы загадал, чтобы ты забыла всех кроме меня…

ДЕНЬ И НОЧЬ

- Падая в лужи…
- … прищепки превращаются в хищных аквариумных рыбок…

*

И день, и ночь скала смеялась: шире, шире -
Расщелина шептала вслух.
Скала была и ширмой, где гнездился ирис,
И плазмой, ждущей оплеух.

С сиреневой поверхности воды взлетали бабочки сиреневые.
Шипами обрастали побережья радуги мигреневые.

Я для тебя теперь - и верным спутником, и - преданным предателем,
А радуги заморские - записки анонимов-подстрекателей.

И ты на небе выбрала звезду:
Шумнее, ярче, самую безлюдную -
Она быстрее всех по небосводу мчалась всухопутную.

И дождь мирил украдкой шлейфы улиц, дымоходы обручальные,
И лишь следы печатали на сизом грунте яблоки хрустальные.

Всё общее - и океан, и солнце,
Жаждущее стать художником…
С чего же вдруг решила ты, что я хочу стать чьим-нибудь заложником?

Всё общее, но прикоснуться можно только лишь к тому, что тронуто.
Неприкасаемое же замками и засовами спелёнато…

Как отражается дыхание волшебств на проданных пергаментах?
Что зашифровано на солнце,
На его поверхностных орнаментах?

Наверняка же чудо мимолётное продлится лишь мгновение,
А после станет все, как встарь:
Никто и не заметит воскрешения.

С сиреневой поверхности воды взлетали бабочки сиреневые.
Шипами обрастали побережья радуги мигреневые…

*

- У него чудесный бред!..
- Нет, у него - дефрагментация мозга.

РАЗ И НАВСЕГДА

Наркоманы, сидящие на мозаичной,
Истерически-верной, бессонной любви!
Вы - в ряды свои - Нас принимайте с поличным!
Угощайте нарциссами и визави!

Мы стучимся. Никто не проходит здесь мимо.
В наших недрах пожизненно солнце цветёт.
И болезнь эта странная - неизлечима,
Но она - от всего остального спасёт.

Мы готовы. Мы знаем, как стать запятыми
В этом сгорбленном мире и - вырваться вон.
Наркоманы любви! Мы пришли стать больными!
Принимайте Нас с почестью - на небосклон!

И мохнатое море - надёжней сомнений,
И война - это жертва безглазых времён,
И Господь заметает следы озарений,
Говоря, что влюблённым не нужно имён…

Наркоманы любви! Мы - земные созданья,
Ваши брат и сестра, и в руках - фимиам!
Мы уже утопили себя в ожиданьях,
И теперь с нетерпением просимся к Вам!

ВСТРЕЧНЫЙ РАССВЕТ

Дозорных нет. Я - встречный, я - всегда и всем навстречу,
Хотя и осень.
Торжественному листопаду подставляю плечи,
Хотя не просит.

Аллеи - словно строки, на которых, как чернила,
Ютятся дети.
Но убаюкал в колыбели старое светило
Шиповый ветер.

Будь здесь. Есть только три сезона на моей аллее.
Вдали - литавры.
От рыжих черенков и леденящих нот шалея,
Уснут кентавры.

Еноты-следопыты прячутся неосторожно
В шелках аллеи.
Будь здесь. Пронзённый осенью насквозь, не знал, что можно
Любить взрослее.

Будь здесь. Не знал, что можно льнуть не только к пьяным звёздам,
Что с небосклона,
Что с тем, кто шёл навстречу - поздороваться так просто
В углу сезона.

Будь здесь. Ты - та, кому дороже мыслей запредельных -
Извивы тела.
Ты - та, которая от красоты моей смертельной
Остолбенела.

МЕСЯЦ

Строения в доисторических пломбах
Ложатся под ноги древесных корней.
Пока ты бессмертна, исправен мой компас,
От мыслей моих не бывает теней.

Но это поддельное небо смеётся:
Оно всё, что дорого людям, крадёт,
И вот уже - ты замерцала в колодце
Неведомых мне, невредимых свобод.

Смеются рассветы ухмылкой пчелиной,
И вместо песчинок - малиновый яд -
В песочных часах ускользает невинно
Наверх, где и был он, обратно, назад…

Пускай же ты шутишь так странно порою -
Тебя научили шутить небеса,
И ты приглашаешь меня быть героем
Твоих преступлений, смотрящих в глаза.

Пускай же ты дышишь, как дышат монахи.
Литавр тебя не предаст чуть светло.
В отчаянный крик превращаются страхи,
А крик превращается в наше тепло.

Ещё - облаков беспокойные губы
Следят за тобою, и ищут - твои
Плавучие, жадные губы, и трубы
Латунные хором поют, как ручьи.

Но каждое утро - с припадка прощенья,
Сто лет, и пока расцветёт синева,
Я должен глядеть на твоё возвращенье
И думать: "Жива, до сих пор ведь - жива!.."

А небо приклеилось к призракам прочно,
Как к счастью земному приклеился мрак,
И смерть испытанием станет досрочно,
А море из савана выкует флаг.

Пускай ты - двойник той, в которую верю,
Которую знаю и помню пока:
Твой истинный след ни за что не потерян -
Ты просто на том берегу двойника.

Мы прокляты в том лишь, что ждём возвращенья,
Всю жизнь находя, чем бы в небо светить,
На солнце чужое смотря с восхищеньем,
Свою же любовь не умея простить.

БУХТА
(мои слова)

Любовь - одна, как ненависть - одна, как взрыв один
От одного снаряда.
Любовь не повторяется на бис.
Влюбляться вновь и вновь, и ждать,
И выбирать дорогу, как награду -
Всего лишь наш каприз.

Позволь мне прикоснуться к пальцам и к объятьям,
Отныне не твоим уже, а - нашим.
Позволь сердцебиеньям спорить с тишиной.
По древним письменам, начертанным на пляже -
Ты сможешь выжить
Лишь со мной.

НЕРАЗРЫВНОСТЬ

Изредка спрячу чуланы - в карманы
И притворюсь, что к иконам иду…
В эти мгновенья я выгляжу пьяным… -
Я закалялся не в домне - в аду…

Вот - контрабас и лицо у рояля…
Своды зеркальных себе потолков…
Я захожу в эту залу. Все встали!
Ты за улыбкой боишься врагов…

Ты так прекрасна, когда хочешь злиться!
Суд начался. Опустела тюрьма.
Как мне приятно опять убедиться
В том, что ты любишь меня без ума!

И говорю тебе: "Где ты бродила?
Полночь уже два часа - на дворе!
Может, ты видишь на небе светило?
Или решила прийти на заре?

Гости ко мне заглянули - шпионы,
И рассказали, что видели, как
Ты была страстной, была развращённой -
С женщиной… Что ж! Уходи, и good luck!

Переживу, перевыживу! Что мне! -
Из головы центрифугою - сгинь!
Я был - любовник, теперь стал - паломник,
Видевший сто миллионов пустынь!

Я закалялся божественной страстью.
Ты - ни в какое сравненье со мной!
Только теперь - я считаю напастью
Страсть нашу белую с полной луной.

Любящий свят, а механик - подсуден!
Я закалялся не в домне - в аду
Серых, угрюмых, навязчивых буден,
И наизнанку увидел мечту.

Я и тебя перепрыгну, и спрячу
Память, как каменный уголь, в года.
Нет! Не узнает никто о горячей
Нашей цыганской весне никогда!

Я перепробовал на послестрастье
Вязкий песок миллионов пустынь!
Некогда я исповедовал счастье,
Ну а теперь убирайся! Аминь".

Так говорил, подтверждаемый жезлом…
Вспыхнули слёзы лиловым огнём.
Плачешь? Горячка впечатана в кресло.
Ищешь спасенья за чёрным окном…

И не уходишь. Глаза - как пещеры,
Где затаился молящийся взор…
Да, вот теперь я железно уверен
В том, что ты любишь меня до сих пор!

МОРСКИЕ КРИСТАЛЛЫ

(её слова)

Я помню все ночи в объятиях чужих.
Ты веришь в неверие, славишь свой бред.
Нас нет среди мёртвых, и нет нас в живых,
И нет в нас ни чувств, ни бесчувствия нет…

Однажды медузы становятся пеной морской,
А те, кто захочет на днище - кристаллом морским,
А мы остаёмся людьми, со своею тоской -
И в жизни, и в мире ином, и за миром иным…

Иконы решили устроить всемирный потоп.
Иконы заплакали, слёзы замёрзли у глаз.
А мы в это время манили в ловушки озноб,
Заставив погрязнуть в сомнениях - иконостас.

И ветер, уставший как раз на развилке дорог,
И влажное солнце в ресницах ночных васильков,
И каждое облако, каждый кровавый силок -
Настойчиво напоминают небесный альков.

Бессонницей голуби лечат избыток тепла…
Немного же сделала я для тебя! Посмотри -
Я только лишь солнце в ладонях тебе принесла!
Я только лишь сделала нашими все фонари!

Я только расплавила снежное лето до дна,
Я только повысила в должности Бога, и всё!
Я встала у моря, где раньше стояла весна,
И всех для тебя заменила, и стала ферзём!

Я только отстроила заново все те мосты,
Которые ты каждый день, без конца разрушал.
Я даже не стала считать их при блеске звезды,
Всего лишь летела среди растопыренных скал!

Но даже и это Простое - и брешь в небытьи,
И рай на Земле - я случайно вот здесь возвела -
Неведомым вздохом, неведомым взмахом крыла!

Поверь. Я случайно мечты воплотила твои,
Нечаянно я сновиденья твои прервала -
Нечаянным вздохом, нечаянным взмахом крыла!..

ЭПИЦЕНТР

Насмешливо тают поля из ромашек,
И солнце лениво мерцает во мгле…
А значит всё это, что преданность наша -
Последнее чудо на этой Земле.

Однажды навеки запомни и - веруй,
Что наши безумье подарено - нам,
Что даже любить для меня - полумера,
Что я никому твою роль не отдам!

И ты так невинна, когда ненавидишь,
И ты так красива, когда предаёшь,
Но, чтобы всегда быть на самой орбите,
Ты точно года у кого-то крадёшь!

Зачёркнут серебряным скипетром воздух.
Раздроблен на искры ночной водопад.
И ты так смеёшься, как будто все звёзды
Сердиты, а все заклинанья - горят.

Аминь. Мы последним безумием стали
На самой безумной планете из всех.
И ты не находишь печали - в печали,
Но каждый твой вздох мне засчитан за грех.

И если меня ты забудешь в трактире,
То в то же мгновение влюбишься вновь…
Конечно, ты помнишь, что наша любовь -
Последняя в этом дымящемся мире.

ОТ ПОСТОРОННИХ ГЛАЗ

Бессонные локоны, сонные губы… -
Кто прав? Всё закончено. Счастье настало,
И огненный дождь дует в медные трубы,
И с каждым изгоем весна рассчиталась…

Когда за тобой наблюдают украдкой,
Ты ставишь на то, чтоб жить вечно и споришь…
А как-то, я помню: горя без остатка,
Ты выиграла спор со щетинистым морем…

Следишь на снегу, распластавшимся навзничь,
Идёшь по дороге быстрее, быстрее…
Ты кажешься ветром. Действительно, прав снег:
Когда тебя любят, то ты не стареешь…

Ты день начинаешь с пробужденья,
А ночью за нами следит трясогузка…
Но есть небылицы и есть сновиденья…
Зелёное море глотает моллюсков…

Печально одно: умирают пробелы
Меж прошлым и будущим, сумрак - ограблен,
И сколько поверивших - столько прицелов,
Но я не знаком с твоим детством ни капли!

Я очень хотел бы любить без досады,
И знать тебя с детства, и за руки - с детства -
Ползти через первые заросли радуг
И чувствовать первые ряби кокетства!..

Безлюдные храмы полны ожиданья,
И сколько детей - столько храмов на свете.
Одно у меня сохранилось желанье:
Чтоб были мы вместе, и были мы - дети.

Какие лекарства нужны нашим душам?
Нас реки омоют, как вазы - начистят.
И я об одном сожалею: чем глуше
В туманных лесах, тем рассвет серебристей…

Заброшенный храм обойдём стороною.
Не нужно о том, что жила в преисподней.
Как жаль, что ни с детства я рядом с тобою,
А только вчера и сегодня!

ВСТРЕЧНЫЙ ЗАКАТ